

Запах перегара, исходивший от собственной одежды, стал совсем невыносим. Котон прихватил чистую пижаму и скрылся в душе. Только смыв с себя всю эту липкую духоту, он почувствовал, что наконец-то возвращается к жизни. Накинув на влажные волосы полотенце, он устроился на диване и принялся лениво планировать дела на ближайшие дни. Кому-то при переселении душ достаются великие свершения, головокружительная карьера или толпы поклонниц, а он едва ли не половину времени умудряется тратить на лечение болячек. Может, и впрямь сходить в храм, замолить грехи? Эта мысль уже как-то проскальзывала у него в голове.

Немного подумав, Котон решил довериться интуиции. Как раз пришло время завтрака, так почему бы не наведаться в Чайна-таун и не поискать чего-нибудь такого? Сколько он здесь жил, готовить приходилось самому, но сложные традиционные блюда, требующие уймы времени и сил, его кулинарным навыкам обычного любителя домашней кухни были не под силу. А он уже успел изрядно по ним соскучиться.

Быстро собравшись, он решил прогуляться пешком, сверяясь с картой в телефоне. На улицах Чайна-тауна замелькали знакомые лица, зазвучала родная речь, и Котона вдруг накрыла светлая тоска по дому. Он на мгновение замер у входа в квартал, поддавшись нахлынувшей ностальгии, но вовремя взял себя в руки, пока прохожие не начали коситься на него как на сумасшедшего, и поспешил смешаться с шумной, пестрой толпой.

Стоило ему вдохнуть витавшие над улицей дразнящие ароматы, как вся меланхолия мгновенно испарилась. В конце концов, душевные терзания сытым желудком переживать куда приятнее. Вкусная еда, я иду к тебе!

Боже, эти шашлычки на углях были просто восхитительны! Тмин и острый перец, поджарившись, источали невероятно густой, манящий аромат. А вонючий тофу пах настолько выразительно, что в радиусе пяти метров вокруг Котона не осталось ни души, позволив ему с комфортом лавировать в плотной толпе. Слоеные лепешки тоже оказались весьма недурны, хотя их рецепт явно адаптировали под вкусы западных обывателей, лишив доли аутентичности.

Котон шел от лавки к лавке, пробуя все подряд. Лишь когда желудок наполнился до предела, он наконец вспомнил об истинной цели своей прогулки. Погладив слегка округлившийся живот, он удовлетворенно улыбнулся: все-таки вкусная еда — лучшее лекарство от любых душевных невзгод.

Расспросив местных, он быстро нашел дорогу. Красные стены, черная черепица — среди бесконечного бетона и стекла современного мегаполиса этот островок традиционной архитектуры выглядел настоящим чудом. Величественная, умиротворяющая атмосфера невольно заставляла забыть о мирской суете и замереть в тишине. Взяв у входа связку благовоний, Котон, подражая другим прихожанам, трижды поклонился перед главным алтарем, мысленно молясь за свое прошлое и настоящее. На самом деле, едва очнувшись в этом теле, он всерьез думал поехать в Китай и разыскать себя прежнего, но после долгих сомнений все же отказался от этой мысли.

Он просто не знал, что делать в случае успеха. Да и как объяснить свое появление, чтобы его не сочли сумасшедшим или мошенником? Но страшнее всего было другое: вдруг выяснится,

что человека по имени Чэнь Бинь в этом мире никогда не существовало? Осознание этого могло его просто сломать. В итоге он так и не решился сделать шаг навстречу прошлому, предпочтя просто верить, что где-то там, на другом конце света, его прежнее «я» по-прежнему живет и дышит.

Отойдя от алтаря, Котон направился к общему жертвеннику и опустил свои благовония в огромную бронзовую чашу. Он заворожено наблюдал, как они медленно тлеют, а серый пепел осыпается вниз, смешиваясь с прахом тысяч других палочек. В этот миг ему показалось, что и его собственная жизнь постепенно, крупица за крупицей, сливается с этим огромным новым миром.

Попрощавшись с храмом, на выходе Котон заметил сувенирную лавку. Покупать он ничего не собирался, но боковым зрением уловил что-то яркое. Из любопытства он вернулся к прилавку и присмотрелся. Это был крошечный керамический персик — пухлый, с нежно-розовым бочком, удивительно милый. Снизу к нему крепился традиционный китайский узел, под которым покачивалась табличка с пожеланием душевного покоя и радости. Котон замялся. Взрослому парню носить с собой такую розовую девичью прелесть... не глупо ли выглядит со стороны?

Поколебавшись, он все же не устоял. В конце концов, можно просто повесить брелок на ключи или спрятать в сумку, где никто его не увидит. Расплатившись, он зажал фигурку в ладони. Гладкая, прохладная глина постепенно впитывала тепло его кожи, и на душе у Котона тоже разлилась необъяснимая нежность.

В обед он съел тарелку наваристого рамэна, после чего продолжил лениво блуждать по улочкам, пока ноги сами не привели его к старой церкви. Котон замер на пороге, глядя на массивные двери. В голову пришла забавная мысль: раз уж он засвидетельствовал почтение богам, близким его собственной душе, то стоит поприветствовать и тех, кто оберегал его новое тело. Излишняя вежливость еще никому не вредила.

Переступив порог, он погрузился в прохладный полумрак. Был будний день, поэтому прихожан в зале почти не оказалось. Котон устроился на одной из скамей ближе к середине и прикрыл глаза, вслушиваясь в негромкий, убаюкивающий голос священника у алтаря. Но стоило ему поднять голову, как взгляд зацепился за до боли знакомую фигуру в переднем ряду.

Стараясь не шуметь, Котон бесшумно проскользнул вперед и опустился на скамью рядом с мужчиной.

— Капитан? Что вы здесь делаете? — едва слышно прошептал он.

Перед ним сидел Бобби Нэш, капитан Пожарной части 118. Бобби удивленно обернулся на голос.

— Котон? Рад тебя видеть, но я думал, ты отлеживаешься дома. Зачем на улицу выбрался?

На секунду Котон почувствовал себя школьником, которого завуч поймал за прогулом уроков.

— Дома скука смертная, да и по телевизору смотреть совершенно нечего, вот и решил немного проветриться, — неловко улыбнулся он. — Чими наверняка вам говорил, что моя травма только выглядит жутко. На деле ничего серьезного, главное — не нагружать руку.

Бобби покачал головой, но в глазах его сквозила теплая забота.

— И все же не относись к этому так легкомысленно. Если сейчас не долечишь, потом заплачешься с осложнениями.

Котон послушно закивал, соглашаясь, но взгляд его задержался на лице командира. Бобби выглядел непривычно осунувшимся и подавленным.

— Капитан... у вас что-то случилось? — осторожно спросил Котон.

Бобби перевел на него тяжелый взгляд и грустно усмехнулся:

— Неужели так заметно?

Котон кивнул.

— По вашему голосу сразу понятно, что вас что-то гложет. Наверное, из разряда тех вещей, которыми не поделишься с ребятами на работе?

Бобби тихо рассмеялся, и морщины у его глаз немного разгладились.

— Теперь мне понятно, почему Бак вечно жалуется, что боится с тобой лишний раз заговорить. Он ведь всерьез уверяет, будто ты по одним интонациям видишь его насквозь.

«Ах ты паршивец, Бак! — мысленно скрипнул зубами Котон. — Сплетничаешь за моей спиной? Ну погоди, выйду с больничного — устрою тебе сладкую жизнь!»

Бобби, словно не заметив бури эмоций на лице собеседника, задумчиво уставился на алтарь.

— Да тут нет никакой тайны. Когда-то я совершил страшную ошибку. Из-за моей халатности погибло много людей... включая моих самых близких. Я не мог себя простить, опустил руки и начал медленно себя убивать. Пил, сидел на таблетках, творил всякие глупости. Так продолжалось, пока один человек не встряхнул меня. Он объяснил, что бегство ничего не решит, и единственный способ выжить — встретить вину лицом к лицу. Попытаться искупить ее, спасая другие жизни. Тогда я и вернулся в пожарную охрану. Я борюсь за каждого

человека в надежде, что когда-нибудь смогу отмолить свои грехи и обрести покой перед Богом.

Котон слушал его молча, не пытаясь выражать дежурное сочувствие или жалость. Это был глубоко осознанный выбор Бобби. Капитан слишком хорошо понимал тяжесть своего креста, чтобы искать дешевого утешения. Прошное оставалось его личными оковами, но оно же держало его на плаву, так что сегодняшняя хандра явно была вызвана чем-то другим.

И он оказался прав. Бобби тяжело вздохнул и продолжил:

— Сегодня утром мы крупно повздорили с Чими. Из-за женщины.

У Котона внутри мгновенно взвыли все радары сплетника. «Ого, неужели они влюбились в одну и ту же? Друзья до гроба стали соперниками? В чем же подоплека этой драмы?!»

Бобби, перехватив этот красноречивый взгляд, сразу понял ход его мыслей и укоризненно нахмурился.

— Да о чем ты только думаешь? Все совсем не так. Дело в девушке Чими. Вчера он упросил меня приготовить шикарный ужин, чтобы устроить романтический вечер и сделать ей предложение. Но она ему отказала. Сегодня утром он пришел ко мне излить душу, и из его рассказов я понял, что эта девица водит его за нос — держит на дистанции, играет его чувствами. А Чими влюблен до беспамятства и готов на любую ложь, лишь бы угодить ей. Даже вчерашний ужин выдал за свое творение. Сама ложь — пустяк, но Чими из-за нее теряет себя. Я прямо высказал ему это, мы разругались в пух и прах, и он ушел, хлопнув дверью.

Выслушав эту исповедь, Котон мысленно закатил глаза. «Капитан, ну вы даете! Парень только что получил от ворот поворот, а вы ему с порога выдали всю суровую правду. Неужели нельзя было помягче выразиться?» Однако вслух он заговорил куда деликатнее:

— Наверное, Чими просто еще не пришел в себя. Он ведь так сильно ее любит, а тут внезапный отказ. Ему сейчас очень тяжело, вот эмоции и взяли верх.

Бобби ненадолго задумался и неохотно кивнул. Наверное, парень действительно был прав. Чими нужно время, чтобы остыть и все переварить. Если в ближайшие дни ситуация не наладится, стоит отправить его в принудительный отпуск, пусть отдохнет.

Они собирались продолжить беседу, когда в кармане Котона завибрировал телефон. Перед тем как войти в церковь, он предусмотрительно перевел мобильный на беззвучный режим, чтобы не нарушать покой верующих, и эта привычка оказалась весьма кстати. Извинившись перед Бобби кивком, он торопливо вышел в коридор и принял вызов.

— Джордж? Что-то случилось?

Из трубки донесся виноватый голос Джорджа Рассела:

— Слушай, прости за беспокойство, я знаю, что ты на больничном. Но у нас тут форс-мажор. У матери Эбби обострилась болезнь, а сиделка опять схалтурила и не пришла. Эбби пришлось срочно сорваться домой к старушке. Все смены уже расписаны, резерва нет, а звонки сыплются один за другим — какой-то безумный день. Сможешь выручить нас и подменить ее на пару часов, пока мы не найдем замену? Сью передала, что если ты приедешь, то получишь тройную ставку за эти часы. Выручишь?

Котон прикинул свои планы. Особых дел на сегодня все равно не намечалось, а глупо сидеть дома — скука смертная. Куда лучше поработать в диспетчерском центре 911. И уж конечно, дело было вовсе не в тройной оплате, честное слово!

— Без проблем. Я как раз гуляю неподалеку, — ответил он, быстро сверившись с картой в приложении. — Буду у вас примерно через полчаса.

Джордж шумно облегченно выдохнул:

— Ох, спасибо, спас! Я пока прикрою твою линию. Жду, и аккуратнее на дорогах!

Вернувшись в зал, Котон шепотом попрощался с Бобби. Капитан кивнул, пожелал ему беречь себя и остался на скамье, чтобы еще немного побыть наедине со своими мыслями.

Ровно через полчаса Котон уже входил в здание диспетчерского центра 911. Приложив пропуск, он поднялся на третий этаж. Стоило дверям открыться, как парень понял: Джордж со своим «безумным днем» выразился ну очень мягко. В зале стоял невообразимый гул, звонки с просьбами о помощи раздавались без умолку. Разыскав Джорджа, Котон принял от него гарнитуру под его исполненный благодарности взгляд. Отпустив измученного замруководителя разбираться с накопившимися делами, он устроился на рабочем месте.

Надев наушники, Котон привычным жестом нажал кнопку приема:

— Служба спасения 911. Что у вас произошло?

<http://bllate.org/book/19391/1988475>